

В.П. Мещеряков

Николай Петрович

КИРСАНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ — персонаж романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Его отец — боевой генерал 1812 года, «полуграмотный, полугрубый, но не злой русский человек»; мать из разряда «матушек-командирш».

До четырнадцати лет Николай Петрович воспитывался дома, а затем, как сын офицера (хотя храбростью он вовсе не отличался), должен был пойти в военную службу, но этому помешал перелом ноги, после которого Николай Петрович всю жизнь слегка прихрамывал.

Николай Петрович поступил в университет, полный курс которого он благополучно и закончил в 1835 году. Некоторое время он служил в Министерстве уделов. После смерти родителей он тотчас оставил службу и женился по любви на дочери мелкого чиновника. Из Петербурга молодожены вскоре переехали в родовую деревню, где у них родился сын. «Супруги жили очень хорошо и тихо. ...Десять лет прошло как сон». Смерть жены была для Николая Петровича большим несчастьем. «Он едва вынес этот удар, посидел в несколько недель...»

Сын ему был очень дорог. В 1855 году он отдал Аркадия в университет и прожил с ним в столице три зимы, стараясь сблизиться с его однокурсниками.

Поведав предысторию Николая Петровича, Тургенев представляет его читателю в мае 1859 года, когда он, «уже совсем седой, пухленький и немного сгорбленный», на постоялом дворе ждет сына, окончившего университет и возвращающегося под отчий кров. И действительно, Николай Петрович и сам чувствует себя пожилым человеком, хотя ему еще только 43 года. Подобно старику, он более дорожит прошлым, чем настоящим; воспоминания о счастливых днях супружества часто посещают его. «...Он чувствовал, что ему хотелось удержать то блаженное время чем-нибудь более сильным, нежели память; ему хотелось вновь осязать близость своей Марии, ощутить ее теплоту и дыхание...»

Радостно и умиленно встретив сына, Николай Петрович словно робеет в его присутствии и становится излишне хлопотлив, пространно повествует о своих заботах по хозяйству, хотя и чувствует, что сына этот предмет мало интересует. Наконец Николай Петрович, явно смущаясь, приступает к наиболее важному и деликатному обстоятельству, переходя на французский язык, дабы скрыть разговор от слуги и кучера. «...Ты, конечно, будешь вправе осудить меня. В мои лета... Словом, эта... эта девушка, про которую ты, вероятно, уже слышал...» При этом Николай Петрович краснеет и испытывает угрызения совести. Почувствовав в сыне «чувство снисходительной нежности... смешанное с ощущением какого-то тайного превосходства», он испытывает душевную боль, «что-то кольнуло его в сердце... Но он тут же обвинил себя».

Для Николая Петровича Фенечка — «не легкомысленная прихоть», и он испытывает облегчение оттого, что объяснился с Аркадием. И все же что-то смущает его. «Сердце его забилося... Представилась ли ему в это мгновение неизбежная странность будущих отношений между им и сыном, сознавал ли он, что едва ли не большее бы уважение оказал ему Аркадий, если б он вовсе не касался этого дела, упрекал ли он самого себя в слабости — сказать трудно; все эти чувства были в нем, но в виде ощущений — и то неясных; а с лица не сходила краска, и сердце билось».

Николай Петрович вообще отличается мягкостью и деликатностью в отношениях с людьми и по мере возможности старается избегать каких-либо конфликтов. Когда Павел Петрович начинает горячиться в споре с Базаровым и уже готов отпустить резкое слово, Николай Петрович счел нужным перевести разговор в другое русло, попросив у молодого

человека агрономических советов. После дуэли Павла Петровича с Базаровым Николай Петрович не показывает ни малейшей тени неудовольствия в адрес последнего; напротив, он говорит ему: «Я вас понимаю и одобряю вас вполне. Мой бедный брат, конечно, виноват: за то он и наказан. <...> Я верю, что вам нельзя было избежать этого поединка...» Даже брак с Фенечкой Николай Петрович откладывает не потому, что хочет избежать мезальянса, а лишь «из уважения» к брату, который прежде был решительным противником этого. Как бы ни страдало самолюбие, он способен прислушаться к чужому мнению. В разговоре с братом он признает: «...В отставные люди попали, песенка наша спета. Что ж? Может быть, Базаров и прав; но мне, признаюсь, одно больно: я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Аркадием, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем».

Николай Петрович, разумеется, неприятно чувствовать себя представителем «отжившего поколения», но тем не менее он оправдывает не себя, а молодежь, вспоминая, как в свое время тоже заявил матери: она не в состоянии его понять в силу возраста. «Она ужасно обиделась, а я подумал: что делать? Пилюля горька, а проглотить ее нужно. Вот теперь настала наша очередь, и наши наследники могут сказать нам: вы, мол, не нашего поколения, глотайте пилюлю». Однако не в молодости только видит он преимущество Базарова и сына. «Не в том ли состоит это преимущество, что в них меньше следов барства, чем в нас?»

Николай Петрович не лишен несколько сентиментального поэтического чувства (играет Шуберта на виолончели, цитирует Пушкина, тонко чувствует красоту пейзажа), что у Базарова вызывает приступ иронического веселья.

Но Николай Петрович вовсе не обделен здравым смыслом. Он добросовестно пытается осилить популярную в нигилистических кругах работу Бюхнера (Тургенев называет ее «пресловутая брошюра»), но вскоре бросает, по своему обыкновению обвиняя прежде всего себя в недостатке ума («Либо я глуп, либо это все — вздор. Должно быть, я глуп»).

Добросовестно и трудолюбиво занимается Николай Петрович хозяйством, стараясь вникнуть во все сферы мужицкого быта. Он «занимался лечением и даже выписал гомеопатическую аптечку». Однако же «недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как намазанное колесо, трещало, как домоделанная мебель из сырого дерева. Николай Петрович не унывал, но частенько вздыхал и задумывался: он чувствовал, что без денег дело не пойдет, а деньги у него почти все перевелись». Упрекнуть себя, при всей его склонности к самобичеванию, Николаю Петровичу не в чем. «Кажется, я все делаю, чтобы не отстать от века: крестьян устроил, ферму завел, так что даже меня во всей губернии *красным* величают; читаю, учусь, вообще стараюсь стать в уровень с современными требованиями...» Хозяйственные неудачи Николая Петровича во многом объясняются его неумением строго взыскивать с работников в случаях упущения или воровства, чем мужики при всякой возможности и пользуются. «Сил моих нет! – не раз с отчаянием восклицал Николай Петрович. – Самому драться невозможно, посылать за становым — не позволяют принципы, а без страха наказания ничего не поделаешь!»

Со стороны его успехи и вовсе кажутся мизерными. «Скот плохой, и лошади разбитые. Строения тоже подгуляли, и работники смотрят отъявленными ленивцами; а управляющий либо дурак, либо плут...» – констатирует Базаров. Самому же Николаю Петровичу приказчик кажется «дельным малым».

Заканчивается знакомство с Николаем Петровичем на идиллической ноте, впрочем, как обычно у Тургенева, не лишенной доли иронии. На свадьбе Николая Петровича с Фенечкой и Аркадия с Катей «всем было немножко неловко, немножко грустно и в сущности очень хорошо. Каждый прислуживал другому с забавною предупредительностью, точно все согласились разыграть какую-то простодушную комедию». В эпилоге романа о нем сказано, что «Николай Петрович попал в мировые посредники и трудится изо всех сил; он беспрестанно разъезжает по своему участку; произносит длинные речи (он придерживается того мнения, что мужичков надо «вразумлять», то есть частым повторением

одних и тех же слов доводить их до истомы) и все-таки, говоря правду, не удовлетворяет вполне ни дворян образованных... ни необразованных дворян... И для тех и для других он слишком мягок».